

Из книги «Козырный век»

Каждый свою правду и только свою представляет как всеобщую.

Я: Да, это правда. Это главная задача писателя. Иначе зачем писать? Зачем писал Лермонтов, зачем сочинял Пушкин, зачем Данте мучался, зачем умер за книгой «Роза Мира» Даниил Андреев?

Представить свою правду? Разве есть главнее и важнее для писателя задача?

Нет... своя правда? Нет, это не правда лично писателя... Это правда Бога, его честь, достоинство и работа. Писатель – работник Бога. Он работает хорошо. Как дворник работает хорошо...

Омельчук: У человека не было инструмента, кроме собственного тела.

Я: Да, человек – музыкальный инструмент Гения Бога.

Омельчук: Сегодня организм у нас изношенный, только для лечения болезней – достояние врача.

Я: Да, потому что сегодня больной, потому что Дух его – трус, враг... и развратник.

Омельчук: Анна Неркаги – голос, крик, немного радости естественного последнего на этой планете человека.

Я: Какой мощный комплимент. И когда? Через многие расстояния и годы. Спасибо, Анатолий Константинович.

«Мудрые изречения ненецкого народа» – это крик маленького, христопещерного народа. Молчание – самый лучший крик больной и одинокой Души. Мой родной и великий ненецкий народишко – крик о Беде. Но жизнь так шумна, вряд ли кто услышит одинокий крик умирающего?

Омельчук: Кастрация языка – дискриминация слов, гуманитарная толерантность – на русский язык не распространяется.

Я: Правильно. Я встаю на колени перед русским языком. В моем случае я думаю по-ненецки, но свои мысли могу выразить только на русском.

Думаю, Господь, творя, думал по-Божески, но говорил по-русски. Русский язык – язык Вселенной.

Омельчук: Литература занимается несовершенством человеческой личности и ужасающим несовершенством власти...

Я: Да, несовершенство человека – главный вопрос творчества любого... Да! Нам нет дела до Власти. Дело и вопрос есть к человеку...

Омельчук: Человек – сгусток Вселенной...

Я: К сожалению, да, потому что он сегодня будоражит и тревожит Вселенную... Как пьяный сосед в многоэтажке.

Я расписалась на странице 431. Да, это я, и там мои слова. Это я люблю Омельчука, и чем дальше по времени, тем больше уважаю, ценю и горжусь. Недаром я как-то сказала, уже давно, ощущая вперед время. Сказала, что буду с любовью и тревогой ожидать его на тропе Вечности. В начале тропы, великой тропы, когда нельзя дальше идти одному, лучше вдвоём...

Так оно и случилось...

Книга печали

Замечательная книга. Отлично, потому что Книга печали легка и радостна. Хорошо, что книга печали, а не книга Скорби. Скорбь – она тяжела, она уйдет из Души, как некая чистая печаль. Скорбь поселится в Вашей Душе, как хозяйка в чужом жилье. И не уйдет, она притаится...

Книга печали со многими мудрыми, простыми, понятными мне печальями-печальками мне очень понравилась. Печаль времени, печаль мудрости, печаль первой любви. Времени печаль... Читаешь и думаешь! Из скольких прекрасных печалей-печалек состоит наше бытие. Мы богаты печалью... И очень радостно, что все эти прекрасные печали имеют Великую мать – Печаль Вечности.

Так и рвется из меня сказать, хотя, наверно, не стоило. У нас с Вами не так уж много читателей, а можно и смело сказать – их нет. Читателей

нет, есть судьи. Они берутся судить то, о чем не имеют ни понятия. Мы пишем не для них, мы пишем для себя, потому что если не напишешь – себе не простишь.

Наше орудие – слово. Недаром Даниил Андреев писал и говорил про слово «Розу Мира» – если хотя бы одни внимательные глаза прочитают эту книгу от первой до последней страницы, значит не зря прожита длинная тяжелая жизнь.

Мы тоже можем подобно этому Великому воскликнуть: если хоть один пытливый ум прочел хоть одну нашу книгу, значит и мы прожили не зря.

Вот тебе и печаль Творчества. Значит, все-таки мы маленькие, но все-таки творцы. Бог был и есть Творец, и будет Творцом. Дай Бог, чтобы после смерти мы смогли бы себя так назвать после земных мытарств.

Царственная тайна

Царственная тайна... Тайна о Сибири в данном случае. Сибирь как последний хребет Великой России, а если ещё смелей сказать – последняя земля человечества, которая сохранит в своем теле крохи человечества.

И поэтому вам голос был. Я не сомневаюсь, мне тоже был Голос. Во время болезни ковидом. Вернее, на третий день после моего беспамятства. Я помню Утро. Оно только наполовину было человеческим Утром. Потому что не помню точно, но настойчивый, отчетливый голос говорил мне: жизнь и смерть – они братья по крови. У них одна мать. У них один огонь.

Они живут в одном чуме. Наверно, «чум» был произнесен, чтобы мне стало ещё понятней, я понимаю, что такое жить в одном чуме. У них один огонь. У них одна работа – спасать человека.

До обеда с небольшими перерывами голос отчетливо ясно и упорно говорил о двух братьях – Ангеле Смерти и Ангеле Жизни. До сих пор пока этот краткий, но веский текст я не выучила наизусть. После обеда он исчез, но время не отвернешь: уже сама по себе повторяла, что было мне сказано.

Теперь я понимаю. Сказанное очень резко изменило моё отношение к Смерти. Смерть – лишь другой берег жизни, без жизни нет Смерти. Без Смерти жизни нет. И пока будет так.

И вот говорю. Меня изъяли из жизни дня на три, чтобы я услышала так нужные современному человеку слова. Бесценные слова. Если их кто-то поймет, значит, и я, подобно Даниилу Андрееву, не зря прожила в сущности длинную жизнь.

Из книги «Река возвращается»

Печаль Вечности

Любовь – репетиция Вечности, сказал Анатолий Константинович. К сожалению, я не люблю Любовь. Не уважаю, не принимаю. Любовь в том виде, в каком она царствует в мире людей, мне не указ. Я не люблю её.

Люди её обожают... А зря?! Апостол Петр тоже любил Иисуса Христа... и Иуда не промолчал, когда спаситель задал свой главный вопрос: любите ли вы меня?

Все ответили утвердительно. А чем всё кончилось? Одним словом, не люблю ни это чувство, ни это слово.

До любви

Ненцы, как нганасанки, тоже стали человеческой крохой, и не потому, что что они подобно нганасанам тоже не говорят дешевых слов – «я тебя люблю».

Ненцы женятся без любви, и они правы, жизнь – не игра, и любовь в ней никому не нужна.

Вопросы Богу

У человека вопросов к Богу не должно быть. Бог все сделал для человека. Помню из своего детства, очень и без него убогого на первый взгляд детства.

Мы никогда не задавали вопросов отцу – запрещалось. Отец наш знал все сам. Это было Законом.

Помню ещё, запрещалось разговаривать и задавать вопросы собакам. Они тоже все знали сами. Работали, лаяли, ели, бегали и еще раз много работали.

Запрещалось разговаривать и задавать вопросы взрослым, когда кто-то умирал. Умиравший всё знал Сам.

Мне уже много лет, и я не осмеливаюсь задать ни одного вопроса Богу до сих пор. Ненцы коротко говорили – Он. Бог всё знает Сам.

Отцовская обида

Сибирь – Земля Бога, его последняя крайняя Надежда. Она принимала и будет принимать обиженных до скончания Века. Будет принимать обздоленных, оскорбленных, невинных.

Поэтому и Отца Вашего Сибирь приняла. Она, Сибирь, готовится к своей особой участи – быть последней Твердью для человечества – нелегкая Участь. Но мы, как и она, не выбираем свои участи. Она нас выбирает.

Руки отца

Нас отец никогда не бил. Никого. Нас в семье было восемь, то ли не за что было бить, то ли некогда.

Из своего детства и жизни понимаю очень крепко, наверно и беспрекословно – наш Отец никогда не бил своих детей. Отсюда делаю вывод – Бог никогда не бьет человека.

Глаза смерти

Они ласковы. Они полны слез о нас, грешных... Мы же сами не умели плакать, особенно при Смерти. Слава Богу, у нас есть кому за нас плакать – Ангел наш Хранитель принимает на себя всё, что мы не умели делать, в том числе и плакать...

Всей вашей семье желаю радости, терпения вашим близким, ибо сама иногда замечаю, как мои близкие терпят меня с великим трудом. И я их с радостью терплю. Желаю легких и радостных дней вам и семье вашей, особенно Гале. У нас с вами нет причин для глубокой печали, ведь мы еще тут. Бог даст, и еще будем...

С уважением, терпением, с радостью Анна Неркаги